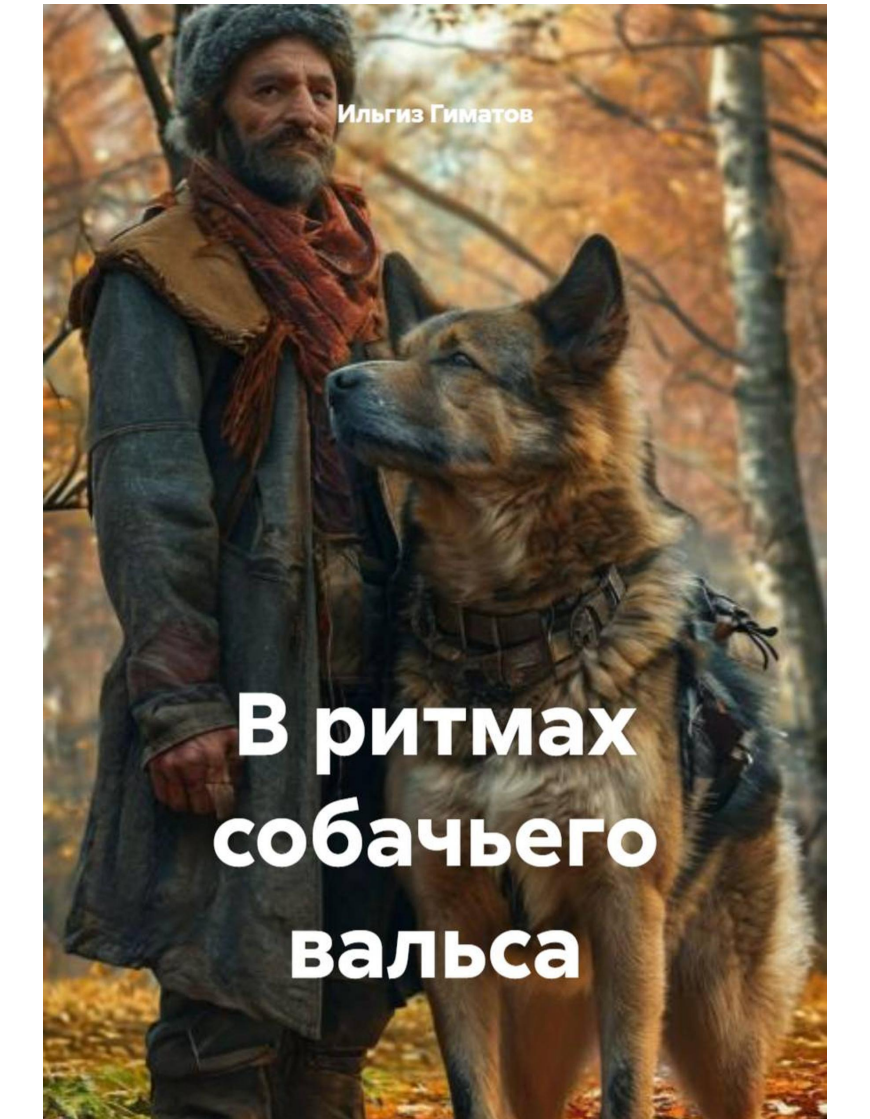

A man with a beard and a grey fur hat stands in a forest with autumn foliage. He is wearing a dark coat and a red scarf. A large, shaggy dog with brown and grey fur stands next to him, looking up at him. The dog has a dark collar with a buckle. The background is filled with trees and fallen leaves in shades of orange and brown.

Ильгиз Гиматов

В ритмах собачьего вальса

Ильгиз Гиматов

В ритмах собачьего вальса

<https://litres.ru/73947998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Издревле люди и собаки живут рядом. И в наши дни - тоже. По-разному складываются их отношения - от любви и преданности до недопонимания и, порой, до ненависти. В историях этого сборника реального и фантастического рассказов показаны фрагменты из жизни собак среди людей и людей среди собак.

Содержание

Люди и собаки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В ритмах собачьего вальса

Люди и собаки

...

– Тупее шпица собаки нет, – говорит Паша. Невысокого роста толстячок, он, вытянувшись на носках балансирует на стуле – меняет лампочку в люстре. Пыхтит. На лбу капли пота.

Чарли, белый пушистый шпиц, черными вишенками глаз смотрит снизу на хозяина и возмущенно тявкает.

– Нет, мальчик мой, – хозяйка дома Людмила на диване наблюдающая за процессом смены лампочки, улыбается собачке. – Умнее шпица собачки нет.

Чарли звонко лает. Не возражает.

– У папы руки – крюки. Он не может с лампочкой справиться... Вот и злиться... На тебя, Чарли, наговаривает... – ерничает Людмила.

Собака гавкает. Соглашается.

– У папы нормальные и, не побоюсь этого слова, очень умелые руки... – Паша, будто висит на вытянутых руках на люстре. Его молодой прогрессирующий животик дрожит от напряжения. Стул под ним скрипит. – Но какой гений придумал так присобачивать плафоны... Фиксируют их на опорных чашах малюсенькие винтики... Такой винтик и в паль-

цах не удержать...

– Слышишь, Чарли, он уже оправдывается... Сейчас опять к тебе привяжется... Подумаешь, написал ты разок на ковер... Как он тебя утром ругал?

– У – у – у – у – у... – тонко воет шпиц.

Паша едва удерживается на качнувшемся стуле.

– Черт!

Винтик выскальзывает из пальцев и летит на ковер – в заросли ворса .

Чарли, известный охотник за мухами, бросается на перехват. Клацает пастью. Промахивается. И тыкается черной пуговкой носа в ковер рядом с табуретом.

– Фу, Чарли! Фу! – орет Паша и спрыгивает на пол. Несколько минут он ползает на коленях по ковру, ворошит и перебирает его ворсинки. Шпиц лает и скачет рядом, думая, что хозяин придумал новую игру для него.

– Что? – тревожится на диване Людмила.

– Похоже, Чарли, винтик проглотил... Я его выронил к чертям собачьим... Вы же с Чарли болтали мне под руку. Нет винтика ни на ковре, ни в ковре... Чарли первым кинулся на место его падения... Может и...

– Что может и?..

– Может и проглотил... Он же у нас все в рот тащит и жрет и на улице и дома... Любую гадость.

Теперь Паша и Людмила уже вдвоем на четвереньках ползают по ковру. Рядом крутиться – вертится веселый Чарли.

Из своей комнаты выглядывает Мила – симпатичная девочка лет десяти. В больших голубых глазах протест и вопросы.

– Я так-то уроки делаю... Что за кипишь?

У Людмилы голос дрожит:

– Чарли проглотил железку... Он умрет... Умрет! Умрет!

Взгляд девочки темнеет.

– Ужас! Как вы могли?! – она хватает в охапку собаку, прижимает к себе. – Чарли! Милый Чарли! Если ты умрешь, я - тоже...

На щеках девочки появляются тонкие прозрачные ручейки.

Чарли визжит от восторга – какая веселая игра! Облизывает лицо Милы.

– Ой! Я не могу! – рыдает Людмила на диване. – Я тоже умру! Прямо сейчас... Вперед всех!

– Хватит орать! – взрывается Паша. – Никто не умрет! К врачам собачьим! Звоним! Тихо!

Людмила и Мила скулят и вырывают из рук друг друга Чарли. Чарли воет от возмущения.

– Алло!? Это ветеринарная клиника? У нас собака проглотила железный винтик... Что делать?

Минуту-другую Паша слушает телефон. Потом спрашивает:

– Сколько это стоит? Ого! Это с учетом рентгена, наркоза и стоимости лекарств и после операционного ухода? Ладно,

мы подумаем ...

Паша вышагивает по ковру и громко злится:

– Совсем озверели ветеринары... Готовы разрезать собаку извлечь винтик за двадцать тысяч... Но требуют предоплату. Вот какие расходы из-за тебя Чарли!

– А может быть, из-за тебя, мастер косорукий... - огрызается Людмила вместо Чарли. Говорила я, давай вызовем электрика. А ты: пятьсот за вызов и тысячу за то, что сменит лампочку. Жадюга! А теперь вот – двадцать тысяч! Это же наш месячный взнос ипотечный!

Тихие всхлипы Милы переходят в громкий плач с причитаниями:

– Как вы можете думать о деньгах, когда надо спасти любимое существо... А если такое случится со мной, вы тоже так?.. Бедный. Бедный Чарли! Бедные, бедные несчастные мы с тобой, Чарли...

– Хорош ныть! Перехватим в каком-нибудь микрозайме... Сейчас поеду.

– Да кто даст такую сумму... – Людмила присоединяется к плачу Милы.

– Стоять! – вдруг кричит Паша и замирает посреди ковра с приподнятой левой ногой – Стоять! Не двигаться!

Несколько секунд в комнате гробовая тишина. Чарли успевает спрятаться за диван.

Застывший Паша похож на неопытного сапера, стоящего на mine, уже знающего чем ему это грозит, но еще не знаю-

щего как спастись от этого неминуемого.

Наконец Паша осторожно ставит левую ногу на ковер, приподнимает медленно ногу правую. На носке, зацепившись за пятку, висит винтик. Как ни в чем ни бывало висит. Такой маленький, скромненький.

– У – у – у – rrr - rrr – а – а – а!!!

Людмил–а и Мила выдергивают из-за дивана упирающегося Чарли и беспрестанно обе одновременно тискают его.

Паша вопит и бежит по квартире, натянув на голову футболку, как игрок сборной страны, забивший гол и обалдевший от этого.

Когда первые восторги проходят, табурет вновь устанавливается на середине ковра под люстрой.

– Может, все же мастер вызовем? – продолжает гнуть свое Людмила.

– Смешно, – говорит Паша и запрыгивает на табурет. – Закройте Чарли в ванне и молча восторгайтесь моим мастерством.

Через несколько минут пыхания и сопения винтик вворачивается на свое место.

Мила уходит доделывать уроки.

Людмила и Паша пьют чай на кухне.

– Какие деньги я сэкономил сегодня! – с гордостью произносит Паша. – Зацени, Людка!

– Заценила, – сияет Людмила. – Каждый день бы так! Не знали бы куда деньги девать.

В комнате на ковре лежит шпиц Чарли. Думает: «И что хозяева искали? На муху что ли какую охотились? Мух надо на лету ловить. Ох и тупые же эти люди... А не пописать ли мне на ковер, пока никто не видит...»

...

Осенняя ярмарка на городской площади. Громко сказано - ярмарка. Один ряд торговых прилавков. Но при желании что-нибудь можно прикупить. Колбаски, мясца. Хотя цены как в магазинах и даже дороже чем на продскладах, ставших популярных в последнее время особенно среди пенсионеров.

Но что надо народу в субботнее утро? Потолкаться у прилавков. Посмотреть на других, себя показать. Ходят люди туда- сюда вдоль торгового ряда. Но не всем по нраву эта суета.

Поперек пешеходного потока на боку вытянувшись на всю длину своего мощного мускулистого тела лежит крупная белая собака. Породу на глаз трудно определить. Острые ушки, как у лайки. Пасть как у крокодила. Лапы медвежьи. Хвост поленом по-волчьи. Похоже псина крепко спит. Толкучка во-круг ее совершенно не касается. Даже лежащая собака вызывает уважение. Ее народ почтительно обходит. А она даже хвостом не шевельнет. Глаза закрыты. Только бока равномерно чуть заметно вздымаются во время вдоха. Полный релакс. При этом за километр чувствуется уверенность собаки в том, что никто не посмеет потревожить.

Все мы в определенных ситуациях так самоуверенно думаем.

Лавируя среди покупателей и зевак к спящей наглой псине приближается собачка из серии комнатных. Размером меньше кошки. На кончиках ушей рыжие помпончики. Элегантная вычесанная борода. Лапки – скрученные карандашики.

Собачка часто кокетливо перебирая лапками тащит за собой на длинном поводке хозяйку – женщину неопределенного пожилого возраста.

– Сема! Сема! – причитает женщина. – Не так быстро, Сема! Мама не успевает за тобой.

Сема не слышит или делает вид, что не слышит. Его как магнитом тянет к спящему белому монстру. С разбега он бьется лобиком о спину гиганта и капризно тьявкает.

Белая собака взлетает над брусчаткой оцетинившись шерстью и распахнув акулю пасть с миллионами страшных зубов и клыков. Изворачивается в воздухе и пытается схватить наглеца, посмеявшего ее разбудить.

– Сема! – дергает на себя поводок хозяйка и буквально в последнее мгновение выдергивает собачку из зубастой пасти зверя. Пасть смачно клацает, как сработавший вхолостую капкан.

Сразу постаревшая и ставшая бабулей женщина подхватывает на руку свое капризное сокровище. А оно заливается отчаянным лаем-плачем.

– Испугался, Семушка... Испугался, маленький... Нехорошая собака, напугала нас... - голос хозяйки дрожит.

А большая белая собака уже опять ни на кого не обраща-

ет внимание. Снова ложится на бок и вытягивается во всю длину тела.

На выходе с ярмарочной площади Сема освобождается от объятий хозяйки. Он уже не плачет и не дрожит. Смотрит в ту сторону, где дремлет белая зверюга и скребет задними лапками плитки брусчатки. И рычит.

– Да, Сема, да... - умиляется старушка. – Знаю, знаю – вот так ты его растопчешь и загрызешь... Защитник ты мой ненаглядный.

А белый пес опять засыпает посреди ярмарки. Люди осторожно обходят его стороной. Они знают, что будить спящую собаку опасно.

...

В провинциальном городе З. на стыке улиц Ленина и Крупской черный песик с короткой бородкой каждый день, как по расписанию, после девяти утра облаивает проезжающие автомобили. Не все. Только иномарки.

Выбрав жертву, пес начинает приседать на передние лапы, покачивать головой. Потом бросается на перехват. Пытается укусить бешено вращающееся колесо.

Страшно смотреть.

Когда появляется полицейский патрульный автомобиль пес отворачивается. У него в этот момент скучающая добродушная мордашка с ласковым прищуром проницательных глаз.

После проезда стражей правопорядка охота продолжается

с еще большим остервенением.

– Дух Ленина бунтует, – ерничает прохожий сухой старик с профилем Дзержинского. – Предупреждает: неверной дорогой идете, товарищи! Не хотят слышать...

Ровно через час песик покидает свой пост. С чувством глубокого удовлетворения трусит к сарайкам в глубине двора старых двухэтажных домиков. Навстречу из каких-то закутков выкатывается ватага короткошерстных чернявых щенков. Несмотря на младенческий собачий возраст у всех короткие, но ярко выраженные бородки.

Щенки радостно виляют хвостиками и наперебой лижут раскрытую в улыбке пасть бунтаря. Можно лишь догадываться кем они друг другу приходятся.

Мать щенков – почему-то язык не поворачивается ее называть так, как обычно называют собак женского рода, никогда и никем не была замечена. А было бы интересно на нее посмотреть.

Через несколько дней в городе отлавливают бродячих собак. Бородатый песик и щенки исчезают.

Через неделю бородач появляется на своем обычном месте на перекрестке. Потухшим взглядом провожает проезжающие автомобили. И совершенно не реагирует даже на самые крутые иномарки.

На левом ухе у пса оранжевая бирка с циферками и бумажками.

Опять откуда-то появляется старик с профилем Дзержин-

ского. Он долго и печально смотрит на сдувшегося песика и произносит:

– Срубили нашу елочку под самый корешок...

Что этим он хотел сказать, никто из прохожих не понял.

...

При любой погоде они утром шествовали по городу – пожилой сухой мужчина с военной выправкой и неуклюжая понурая собака, издали похожая на истертую временем, изношенную половую тряпку. Определенная порода в ней не была выражена. Только опытный взгляд профессионального кинолога, пожалуй, мог предположить, что это случайная помесь далеко не чистокровных болонки и пуделя.

Пес, весь замызганный, со включенными бараньими кудряшками и сбитой в узлы серой шерстью по бокам, отрешенно шагал рядом с хозяином. Всегда справа от него. Не обгоняя и не отставая. Он словно привычно тащил на полусогнутых лапах тяжелый и не очень для себя важный груз. Его морда в обрывках шерсти выглядела бесформенной, едва не касалась тротуара.

А по тротуару то шуршали желтые и алые скособооченные, свежосваренные крабики кленовых листьев, то расползлся, подрагивая серый холодец снежной жижи, то алмазной колючей крошкой рассыпался и скрипел снег, то разбежались веселые лужицы, хохочущие пузырьками синего дождя.

Иногда мужчина останавливался и неторопливо закуривал. Тогда пес застывал рядом с низко опущенной мордой

— ждал, когда хозяин продолжит движение. И тот, после небольшой паузы, уже в кисло-сладком дымке дешевых сигарет опять шагал вперед в одном неспешном темпе, немного выбрасывая ноги вперед. В ненастные дни на его плечи словно бурка был накинут выцветший брезентовый офицерский плащ с широким капюшоном, в котором пряталось узкое волевое лицо.

Когда мужчина встречал знакомых и останавливался поговорить, пес, как неудачное чучело, замирал в стороне. Облезлый хвост надломлено касался земли.

Они, человек и собака, словно были связаны невидимой прочной нитью. Многие привыкли видеть эту неразлучную парочку и не обращали на нее особого внимания. Так устроен мир — привычное не замечается. До потери.

Как-то человек в офицерской плаще появился на прогулочном маршруте без собаки. Так было и на следующий день. И в дни другие. Теперь мужчина постоянно не выпускал изо рта дымящуюся сигарету. Бесстрастно и холодно смотрели на встречных прищуренные глаза.

Лишь при взгляде вниз — вправо и влево — в них мелькала тень растерянности. Он словно что-то или кого-то искал.

Потом этого человека долго не видели. Всякое случается. Или он уехал, или приболел, или отмаршировал свое вояка. Кто знает... Никто конкретно не интересовался. Его стали забывать.

Минула одна зима, затем — другая. А может, прошло вре-

мении еще больше, но однажды весной на улицах города вновь появился тот самый мужчина. Его узнали по остаткам офицерской выправки. Но он постарел. Глубже стали складки по углам рта и сгустились сеточки морщин под глазами. Ноги при ходьбе уже не выбрасывались вперед, как это бывает у людей, привыкших к строевому шагу, а привлекались. Но спина по-прежнему держалась прямо. И не только это бросалось в глаза. Внимание привлек рыже – белый щенок, которого мужчина вел на тонком поводке. Точнее не вел, а чуть ли не волок.

Щенок постоянно скулил, мотался из стороны в сторону по тротуару, ластился к каждому встречному - поперечному прохожему. Иногда он резко тормозил всеми лапками, останавливался и начинал отчаянно верещать, крутить и дергать головой, стараясь освободиться от ошейника. Тогда мужчина брал на руки вертлявого, капризного бунтаря и, смеясь, отворачивал лицо от его быстрого розового язычка.

Года через полтора где-то в середине ноября под самую зиму можно было увидеть, как по тротуару, по снежной коросте спрессованной миллионами человеческих шагов, легко бежал – гарцевал, задрав султан лисьего остроконечного пушистого хвоста, рыже-белый пес. Он всем видом показывал: смотрите какой я красивый и милый. Разве вам не хочется меня приласкать-погладить?

Сам по себе пес был не низок и не высок. Среднего размера. Но, похоже, имел в роду предков Колли. От них уна-

следовал грациозность, гордую посадку острой мордочки и длинную свисающую по бокам шерсть. Но в его крови явно бурлил гремучий коктейль разных пород, среди которых не последнее место занимали вездесущие дворняги. Это доказывали его манеры. Он не пропускал ни один кустик, чтобы не

пометить его, задрав в вертикальном шпагате заднюю лапу. И постоянно хватал с земли косточки и куски еды, какой бы свежести они ни были. И попрошайничал. Только увидит пацаненка с булкой или конфетой в руках, бежит к нему, если не на поводке: дай откусить, дай попробовать... А если на поводке, рвется, визжит: не ешь без меня! Особенно он любил кланчить у мужиков, втихаря поддающих под тополями на скамейках у подъездов. Да те сами поощряли рыжего халявщика. Что-нибудь да бросят попрошайке из своей нехитрой закуски. Хватал на лету и заглатывал, не разжевывая. Словно голодал сто лет.

При все при этом, когда пес шел парадным шагом, его лисья мордашка гордо задиралась вверх. И казалось на ней проявлялась хитрая улыбка, переходящая в усмешку превосходства над окружающим миром. Но чаще красавчик убегал далеко вперед и носился как сумасшедший, не обращая внимания на призывы вернуться, или, по крайней мере, вести себя приличнее.

Мужчина дымил сигаретой, кашлял, сплевывал на газон, вытирал ладонью слезящиеся глаза и старался поспеть за иг-

ривой шельмой. И не успевал - начинал задыхаться.

Иногда пес просто издевался. Подпускал хозяина к себе, но когда поводок готов был защелкнуться на ошейнике, стремительно убегал, рассыпаясь звонким лаем и исчезал в каком-нибудь дворе. И не возвращался, пока не обнюхивал там все кусты и углы, не загонял всех кошек на деревья и не поскандалил со всеми местными собачками. Набегавшись возвращался к хозяину, который терпеливо ждал его.

Но однажды этот рыжий баламут не вернулся. Напрасно мужчина слезящимися глазами до поздней ночи всматривался в глубь двора и тонким свистом призывал потеряшку.

Весь следующий день он искал ее по улицам и дворам. И нашел. У мусорных пластиковых контейнеров на окраине города среди многочисленных женихов собачьей свадьбы. Не первой свежести невеста – замызганная и потрепанная дворняжка как раз благосклонно приостановилась перед молодым рыжим обожателем.

И вот, в тот самый момент, когда песик, бешено молотя хвостом из стороны в сторону, приблизился к «невесте» и обхватил ее сзади передними лапами, руки хозяина грубо схватили его и приподняли.

Пес завизжал, завыл, заскулил, заверещал, зарычал, захлебнулся лаем и резко дернулся к лицу мужчины. Клацнул зубами. Потом крутанулся, вырвался из рук и, голося, припустил за вереницей кобелей, растянувшихся в неспешном беге за сучкой. Его очередь опять стала последней.

Седой человек, прижимая платочек к щеке, сгорбившись, пошел в другую сторону.

Больше эту пару вместе не видели.

Мужчина в плащ – накидке больше года ходил по своему маршруту один. Молча и сосредоточенно, устремляя стеклянный взгляд сквозь встречающих прохожих. В сухих губах сигарета. За согбенной спиной шлейф дыма и табачного перегара. Окончательно постаревшее осунувшееся морщинистое лицо. На правой обветренной щеке роза шрама от рваной раны. Возможно, она была и раньше. Никто не всматривался особо. Все внимание всегда было приковано к четвероногим спутникам старика.

Глядя на удаляющуюся его согнутую спину, думалось, что ничего в жизни нельзя вернуть и повторить. Все уходит через сито времени. Остаются только воспоминания и несбывшиеся желания...

Вскоре старый седой человек в плаще – накидке и со шрамом на щеке исчез. Словно его и не было.

После очередной городской облавы на бездомных собак пропал и гордый, свободолюбивый рыже-белый весельчак, склонный к бродяжничеству и попрошайничеству.

По улицам города шагают другие молодые и старые люди со своими четвероногими питомцами.

Но порой в призрачной зеленой пелене предрассветного летнего дождя и вечерней размытой сини снежной круговерти зимы видится фигура в военной брезентовой накидке. Ря-

дом расплывается несуразный собачий силуэт – не то пудель, не то болонка. И вдруг эта скособоченная собака превращается в подвижный яркий пушистый звонкий комочек неизвестной породы. Но явно есть в ней следы древнего благородного королевского рода шотландских Колли. И местных дворняг.

Лай щенка затихает. Шагов старика не слышно.

Прошое, какое бы оно ни было, смывается дождем и засыпается снегом.

...

По нему можно сверять часы.

Ровно в пять утра большой лохматый пес появлялся на городском рынке и садится у входа в мясной павильон. Внимательно следит за грузчиками, которые заносят огромные куски говядины и целые свиные туши.

Порванные в жестоких драках собачьи уши постоянно вздрагивают и шевелятся как чуткие локаторы.

Когда открывается дверь павильона слышится стук и чавканье топора и на улицу льется густая волна запахов свежего мяса.

Пес старательно втягивает в ноздри эти запахи. Из его приоткрытой пасти тянется тонкая липкая струйка слюны.

Деревенские мужики, доставившие мясо на продажу, с опаской посматривают на собаку и, проходя мимо, сбавляют шаг и стараются не делать резких движений и размахивать руками. Иногда они задабривают пса – бросают ему мелкие

куски мяса и косточек.

Пес подбирает подачку и складывает перед собой. Потом опять ложится на живот. Кучка мясных отходов между его вытянутыми вперед могучими лапами увеличивается.

Через некоторое время из дверей павильона появляется рубчик мяса – приземистый широкоплечий мужчина лет пятидесяти с недельной щетиной на лице. У него холодные отрешенные от всего мира глаза человека, потерявшего себя. Никто на рынке не видел его улыбающимся.

Пес встает на задние лапы и, словно солдат при появлении командира, замирает по стойке смирно. Потом неуклюже, с трудом удерживая равновесие, мелко и быстро семеня лапами, проворачивает свое тело на месте.

– Ай, молодца! – произносит мужчина. – Ну ладно, ладно. Хорош... Отработал свой перекус!

Пес опускается на все свои четыре лапы.

У рубщика в руке наполовину заполненный черный полиэтиленовый пакет.

Мясные обрезки и косточки, лежавшие на асфальте перед псом, тоже складываются в пакет. Его ручки мужчина стягивает узлом. Пес осторожно прихватывает передними зубами узел и отрывает пакет от асфальта.

– Ступай! – говорит мужчина.

Пес в ответ коротко виляет хвостом и, высоко подняв кверху морду, чтобы пакет не касался земли, движется к выходу из площади рынка.

По городу пес движется степенно, не торопливо. Люди уступают ему дорогу. Собаки уносятся в стороны с поджатыми хвостами.

В старой части города за ветхими двухэтажными щитовыми домами ряд полуразвалившихся сараев. Раньше жители домов хранили в них картофель, другие выращенные своими руками овощи и разный ненужный хлам.

В серый полумрак одной из древних развалюх входит пес. Среди досок и обломках старой мебели на разлохмаченном матрасе лежит на боку невзрачная худая дворняжка. Пятеро щенков приткнулись мордочками к ее соскам.

Пакетик опускается перед собачкой. Хвостик ее вздрагивает. Пес садится напротив и смотрит на щенков. Его оскал похож на улыбку.

Однажды пес не приходит на рынок. Нет его и на следующий день.

Вечером на окраине города у сараев за щитовыми двухэтажными домами ходит крепкий мужчина с пакетом в руке. Он двигается вдоль сараев, заглядывает в каждый. Затем направляется к старушкам, сидящим у подъезда одного из домов. А те уже давно настороженно наблюдают за незнакомцем.

– Здрав... ствуй... те... – как-то смущенно произносит мужчина словно ему трудно дается это слово.

– И тебе, сынок, не хворать, – отвечает одна из старушек.
– Или ищешь кого?

– Мне сказали, тут у вас большая лохматая собака в сарайке...

– А ... Так это Пират. Два дня уже что-то не видно... – вступила в беседу другая старуха. – Как увезли Найдку с кутятками, так и он запропал...

– Кто увез? Куда?

– Кто знает... Подъехали на грузовой машине мужики и всех в мешок засунули и в кузов побросали... Может служба какая коммунальная.

Мужчина хлопает ладонями по боковым карманам куртки, будто ищет сигареты.

– Жаль...

– Пират он хороший, – говорит неожиданно первая старушка. – Только на вид такой страшный... А так-то добрый. Каждый день бегают на рынок... Там танцует собачий вальс и ему за это полный пакет мясных обрезков накладывают...

– Точно, точно... – обиженно опускает к низу концы сухих губ вторая. – Об этом все говорят... Даром рыночные куркули мясо не дадут. Я бы тоже танцевала за бесплатную еду... Пенсии – то не хватает на мясо.

– Жаль, что Пирата не застал... – мужчина явно не спешит уходить. Он перекладывает пакет из рук в руки. – Может в вашем доме у кого-то собачка...

– У меня болонка домашняя, – не дает закончить вопрос вторая бабка.

– Вот возьмите ей гостинец... – мужчина протягивает тя-

желый пакет. – Раз Пирата нет на месте. А мне надо срочно ехать...

– Куда, сынок?

– Домой, бабули. В другой город. Пять лет сыновей не видел. Алименты не плачу. Прячусь от них. Как нашкодивший пес. Всю жизнь танцую свой собачий вальс... Ваш пират все в голове у меня перевернул...

– А что так с семьей. На вид, ты, вроде, самостоятельный приличный мужик...

– Пил я сильно. Все пропил. Но теперь уже два год живу в сухую... Даже курить бросил. Как думаете, примут меня обратно?..

– Поезжай, там разберешься... При любом раскладе пацанам отец нужен.

Мужчина уходит быстрым решительным шагом.

Старые женщины провожают его сочувственными взглядами.

– Словно, как покаялся, – говорит одна.

– Дай-то бог обретет себя, – говорит другая. – Сколько их таких неприкаянных бедолаг на земле мыкается... И сами мучаются и семьям своим бывшим от них ни помощи, ни покоя. От себя не спрячешься.

Пират больше не появляется в этом дворе.

Сарайки сносят через полгода. Жильцов обещают расселить. Говорят, здесь будут возводить микрорайон высоток.

И никогда в этом городе не видят и крепкого широкопле-

чего мужчину с отрешенными глазами человека, потерявшего себя.

...

В подъезде воеет собака.

Мембраны железных дверей транслируют вой в квартиры. В них просыпаются недовольные и испуганные люди – взрослые и дети. Одни прячутся под одеяла, другие – ворчат и ругаются.

Часы во всех двадцати квартирах подъезда синхронно показывают половину третьего ночи. Время сладкого сна. Но только не сегодня. Кажется, своры свирепых собак изливают тоску на каждой площадке перед каждой дверью. Эхо играет звуками, усиливает их, переплетает, дробит и нагромождает друг на друга.

В трехкомнатной квартире номер девять на третьем этаже одновременно просыпаются Иван Петрович Задиров и его супруга Наталья.

Звериная тоска в подъезде усиливается.

Иван Петрович в трусах выходит в прихожую. Напряженно слушает. Пытается понять, что происходит в подъезде.

Зеркало на внутренней стороне входной двери отражает расплывающуюся фигуру сорокапятилетнего мужчины с покатыми плечами и отвислым животом. Задиров морщится и отворачивается от своего отражения.

– Это собака, – говорит Наталья.

– Ясное дело, – бурчит Иван Петрович. – Не корова же. Но

чья?

– Соседка баба Шура, чокнутая, приваживает дворовых псин. Говорит собачкам холодно на улице. С вечера запускает их в подъезд. Прямо собачья мать Тереза.

– Это та что ли, которая у себя в квартире держит страшненькую дворняжку?..

– Ну, да... Собака у нее скандальная, как и она сама. Соседки говорят ей, что это твой пес на всех лает? А она: он не лает, а так разговаривает.

– Дурдом! – мрачно произносит Иван Петрович. – С утра планерка! Мне надо выспаться...

А вой в подъезде становится пронзительно отчаянным
Наталья сжимает ладонями виски:

– Это невыносимо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.